

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ГЛАГОЛА
В ФОРМАХ ПЕРФЕКТА В 1-М ЛИЦЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА
В ДРЕВНЕРУССКИХ ГРАМОТАХ XIV–XVI ВВ.

THE USE OF AUXILIARY VERB IN THE 1ST PERSON SINGULAR
PERFECT VERBAL FORMS IN THE OLD RUSSIAN DOCUMENTS
OF THE 14–16TH CENTURIES

MACIEJ WARACZEWSKI

ABSTRACT. This paper analyzes the use of perfect tense forms in a collection of Old-Russian charters: *Testaments and Contractual Letters of the Russian Great and Appanage Princes of the XIV–XVI centuries*. A special attention has been paid to the connection between the presence of an explicit subject and an auxiliary verb and their strict mutual dependence has been proved.

Keywords: perfect, subject, Old-Russian language, comparative linguistics

Maciej Waraczewski, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, maciejwaraczewski@wp.pl

ORCID ID: 0000-0002-4424-3966

Древнерусская система прошедших времен подвергалась большим изменениям, в результате которых перфект стал единственным средством выражения прошлого, что постепенно приводило к вытеснению других времен. В целом, процесс хорошо исследован [см. Шульга 1982: 125; Кузнецов 1953: 245; Якубинский 1953: 241], но подробности как семантических, так и формальных преобразований, происходящих в его рамках, все еще не нашли своего точного объяснения. Многие авторы пытаются обнаружить семантические особенности перфекта, которые позволили ему принять на себя универсальное значение прошлого [см. Маркова 2013: 247–257; Маркова 2015: 224–226; Гаспаров 2003: 215–240], другие, в свою очередь, уделяют больше внимания его формальному аспекту. По нашему мнению, стоит проанализировать формы перфекта в контексте взаимосвязей, которые выступали между применением в предложении эксплицитно выраженного подлежащего и вспомогательного глагола (глагола-связки, связки) *быти*, который со временем был утрачен. На эту связь обращают внимание также Алексей Ивано-

вич Соболевский [1907: 239–242] и Андрей Анатольевич Зализняк [2008: 240–249].

Ниже представлены результаты проведенного нами исследования, в котором анализу подверглись формы 1-го лица единственного числа перфекта в сборнике древнерусских документов – *Духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV–XVI вв.* (далее – ДДГ). Все употребления 1-го лица единственного числа перфекта из вышеуказанного сборника в нашем исследовании подверглись статистическому анализу, при этом учитывались выступающие рядом подлежащие.

В 104 помещенных текстах обнаружено 765 форм перфекта в 1-м лице ед. ч., из которых 733 относятся к мужскому роду, 32 – к женскому. Глагол намного чаще употребляется со связкой – 646 раз, что составляет 84,3%, чем без нее – 119 раз (15,7%). Анализ двух временных периодов: XIV в. – первая пол. XV вв. (период I) и вторая пол. XV–XVI вв. (период II), показал, что в поздних текстах наблюдается тенденция к более частому пропуску вспомогательного глагола (13,7% в текстах первого периода и 22,8% в текстах второго периода), но все-таки даже в самых поздних текстах в значительном большинстве случаев глагол-связка встречается. Кроме того, его употребление не хаотично, а вполне системно, что и показывает дальнейший анализ.

Из 646 примеров, когда перфект в 1-м лице ед. ч. употреблен со связкой, только в 25 случаях рядом находится подлежащее (т.е. в менее чем в 4%). В остальных 96% случаев подлежащее опущено. В свою очередь, когда глагол употреблен без вспомогательного глагола, то в 86% случаев рядом выступает личное местоимение *я/яз* и только в 17 из 119 случаев рядом с глаголом нет ни связки, ни подлежащего. Эти данные представлены в таблице 1:

Таблица 1

Связка \ Подлежащее	Присутствие подлежащего	Отсутствие подлежащего
Присутствие связки	25	621
Отсутствие связки	102	17

Принимая во внимание эти данные, можно прийти к выводу, что, как правило, применение личного местоимения в функции подлежащего в 1-м лице ед. ч. влечет за собой пропуск вспомогательного глагола в перфекте; в то же время присутствие глагола-связки приводит к пропуску подлежащего. В свою очередь примеры, в которых одновременно ис-

пользуются глагол-связка и местоимение, выступающее в функции сказуемого, являются отступлением от нормы, своего рода исключением. К исключениям также относятся примеры, в которых пропущены оба элемента. Все вышеуказанные примеры, относящиеся к исключениям, подверглись углубленному анализу с целью проверить, можно ли в этих случаях найти какие-либо закономерности.

Из 25 примеров, в которых одновременно употребляется глагол-связка и прямо выраженное подлежащее *я/яз*, можно выделить следующие случаи:

1) 18 раз в предложении выступает слово *се*, например: *Се яз, князь великий Иванъ Василиевич всеа Руси, пожаловал есми детеи своих...* [ДДГ 1950: 370];

2) 6 раз предложение имеет следующую структуру: *яз*, князь великий | имя князя | причастие на *-л* | *есмь* без слова *се*, например: *А на сеи грамоте яз, князь великий Василии Дмитриевич, целовал есмь крестъ...* [ДДГ 1950: 45].

Как видно, в 24 из 25 случаев предложение, в котором перфект в первом лице единственного числа употребляется как со связкой, так и с подлежащим, имеет строго определенную, официальную структуру, характерную для делового стиля. Кроме того, предложения такого типа выступают обычно в самом начале или конце текста, т.е. в местах, где чаще всего употребляются устойчивые деловые формулы. Обращается на это внимание в *Истории русского литературного языка*, в которой отмечается, что духовные грамоты характеризуются многими архаичными чертами книжного характера, что „особенно заметно в стабилизовавшихся начальных и концевых формулах грамот“ [Кадькалов, Сердобинцев, Судавичене 1984: 64]. Особую роль формулировки *Се яз* подчеркивает Владимир Викторович Колесов в *Древнерусском литературном языке*, описывая язык княжеских грамот. Автор сообщает о том, что в других грамотах намеренно избегается употребления авторского *я*, однако в княжеских грамотах оно встречается очень часто: „Все княжеские уставы XI-XII в. имеют формульное начало «Се яз, князь великий...»“ [Колесов 1989: 123–124]. Правда, здесь речь идет о текстах более раннего периода, но принимая во внимание большую устойчивость данных формул, можно признать, что они употреблялись в неизменном виде вплоть до XVI в., что находит отражение в анализируемых нами текстах. Об особенном употреблении личных местоимений в приложениях писал также Алексей Иванович Соболевский [1907: 239–242].

Из сказанного выше вытекает, что употребление (*Се*) *яз* в начале предложения не является признаком живого, активного процесса в рус-

ском языке XIV–XVI вв., и все случаи употребления этой формулировки вместе с перфектом со связкой не предполагается возможным рассмотреть в морфо-синтаксическом контексте. Принимая во внимание, что 96% описываемых нами „исключений” – это именно сочетания такого типа, необходимо отметить, что это является скорее всего эффектом внеязыковых, чем языковых явлений, и оно ни в коем случае не может представлять собой препятствия для формулировки тезиса о том, что перфект со связкой в 1-м лице ед. ч. никогда не употребляется вместе с подлежащим.

Ни одна из приведенных выше ситуаций не происходит только в одном случае: *...и яз, господине, тое твоее вотчины, Дмитрова и с волостми и со всем, как еси, господине, был мене пожаловал, отступился есми, господине, тебе, великому князю...* [ДДГ 1950: 183].

Однако структура указанного выше предложения очень сложна, и подлежащее *яз* отделено от вспомогательного глагола другим предложением, которое выражено в другом (а именно во втором) лице единственного числа. По этому поводу кажется обоснованным предположение, что такое употребление подлежащего представляет собой скорее пример особенного логического ударения и не противоречит представленной выше гипотезе о тесной связи между присутствием подлежащего и употреблением глагола-связки.

Что касается тех случаев, в которых в предложении не употреблены ни вспомогательный глагол, ни подлежащее, то и здесь можно заметить несколько закономерностей, объясняющих нехватку этих элементов:

1) употребление вспомогательного глагола в предшествующем причастном обороте (7 раз), например: *Господину, господарю моему, великому князю Витовту, се язъ, князь велики Иван Володимерович проньскийи, добилъ есми челом и дался ему в службу...* [ДДГ 1950: 68–69].

В приведенном выше примере на самом деле нельзя считать, что глагол в перфекте употреблен без связки. Правда, она не находится в его непосредственной близости, а предшествует другому, употребленному раньше глаголу, поэтому логичным кажется предположение о том, что она касается обеих форм на *-л*. Это указывает также на синтаксическую особенность употребления перфекта, заключающуюся в том, что вспомогательный глагол не нуждается в повторении при условии, что если рядом с ним находятся две глагольные формы на *-л*. Стоит отметить, что это редкий случай, так как обычно связка повторяется даже в том случае, если рядом стоят несколько глаголов в той же форме.

Итак, в большинстве случаев связка находится рядом с обоими глаголами. Лишь в одном случае это представляется другим образом:

А которые есьми вотчины поимал у князей ярославских, и те вотчины сыну моему Федору, а сын мой Федор в том волен, хочет те вотчины за собою держать, хочет он отдать. А у которых князей ярославских их вотчин не имал, и сын мой Федор тех вотчин не отнимает у них, и сын мой Федор тех вотчин не отнимает у них, жен, и у детей их, а отъедут к сыну моему Ивану или инуды куды-нибудь, и те вотчины сыну моему Федору [ДДГ 1950: 442].

Здесь вспомогательный глагол *есьми* употребляется только в первом предложении, что является достаточным для того, чтобы понять, что глагол *имал* во втором предложении тоже относится к первому лицу.

Вторая закономерность:

2) употребление подлежащего в предшествующей синтагме (6 раз): *...и я тебе, и великого князя, перепросил, с тобою взял любовь...* [ДДГ 1950: 163].

В указанных выше примерах отказ от употребления подлежащего в непосредственной близости не означает, что у глагола никаким образом не выражается лицо. Дело в том, что слово *я/яз* может относиться к более чем одному глаголу, если они употреблены в рамках одного предложения.

Представленные выше примеры подтверждают замеченные раньше особенности употребления древнерусского перфекта в 1-м лице ед. ч. Можно, конечно, также предположить, что эти особенности не имеют общелингвистического характера, а являются лишь результатом „предпочтения“ одних форм определенными авторами, т.е. некоторые составители – по внеязыковым причинам – употребляют глаголы в перфекте с подлежащим, но без связки, а другие – со связкой без подлежащего. Однако несостоятельность данного утверждения можно доказать с помощью анализа дополнительных примеров из избранных текстов разных времен:

...так же и темъ, чемъ, брате, яз тебя пожаловал, дал ти есми в вудел, в вотчину удел дяди нашего... [ДДГ 1950: 115];

Да коли есми з божією волею достал своей отчины, города Смоленска и земли Смоленские, и яз тогда обещал поставить на Москве на посаде Девчь монастырь, а в нем храм во имя Пречистые да Происхождение честнаго креста, и иные храмы, а которые храмы в том монастыре поставити, и яз тому велел написати запись дяку своему Труфану Ильину своею рукою да дати печатнику своему Ивану Третьякову. А дати есми обещал в том монастырь из своих сел дворцовых село или два... [ДДГ 1950: 415].

Указанные выше фрагменты грамот показывают, что употребление перфекта в 1-м лице ед. ч. со связкой или без нее не зависит ни от предпочтения автором одних форм другим, ни от семантики глагола (так,

в грамоте № 100 в близком соседстве друг с другом находятся глагол *обещал* со связкой и тот же глагол без связки). Фрагментов, в которых присутствуют вместе как формы со связкой, так и формы без нее, намного больше, и в данном исследовании не удалось установить никакой другой морфо-синтаксической зависимости, кроме присутствия эксплицитно выраженного личным местоимением подлежащего.

На основании представленных выше данных возможно сделать следующие выводы:

- 1) наличие подлежащего, выраженного местоимением *я/яз* для 1-го лица ед. ч. влечет за собой отсутствие вспомогательного глагола;
- 2) наличие вспомогательного глагола влечет за собой отсутствие эксплицитного подлежащего.

Отклонения от описываемых закономерностей очень редки (менее 5%), и их можно объяснить причинами следующего характера:

1) синтаксического: если подлежащее и сказуемое разделены какой-либо сложной синтаксической конструкцией, глагол-связка все-таки может употребляться; подлежащее или связка могут не повторяться и относиться к более чем одному сказуемому, особенно, если они находятся близко друг к другу;

2) внеязыкового: определенные конструкции (например, приложения типа *Се яз | имя князя*) требуют употребления вспомогательного глагола, даже если в предложении уже появляется подлежащее, что вытекает из специфических стилевых черт данных текстов.

Принимая во внимание все сказанное выше, можно ответить на вопрос о причинах столь высокого уровня регулярности употребления форм перфекта, а именно наблюдаемой зависимости между наличием подлежащего и присутствием/отсутствием вспомогательного глагола. Чтобы добиться этой цели, необходимо сначала найти ответ на вопрос о направлении этой связи, т.е. установить, зависит ли присутствие подлежащего от присутствия связки, или же присутствие связки обусловлено употреблением в предложении подлежащего.

Как уже отмечалось ранее, изменения в области употребления перфекта главным образом заключаются в утрачивании им вспомогательного глагола. Из приведенных выше данных вытекает также, что в случае отсутствия глагола-связки в подавляющем большинстве случаев в предложении появляется подлежащее и, наоборот, при отсутствии подлежащего появляется глагол-связка. В более поздних периодах в грамотах снижается употребление глагола-связки, в то же время увеличивается употребление подлежащего. Таким образом, можно сказать, что подлежащее постепенно становится неким замещением вспомогательного глагола. В связи с этим необходимо выяснить, какие элементы упо-

требления подлежащего и какие части сложного прошедшего времени являются общими, позволяющими им „обмениваться“ своей функцией.

Факт отказа от употребления личного местоимения для названия субъекта действия в 1-м (и 2-м) лице в древнерусском языке общеизвестен. Как отмечает Алексей Никитич Стеценко,

личное местоимение, выступавшее в роли подлежащего при сказуемом, выраженном глаголом настоящего, прошедшего и будущего времени в 1-м или 2-м лице, обычно отсутствовало, так как сама форма сказуемого глагольной флексией указывала на действующее лицо [Стеценко 1972: 21].

Эти местоимения даже определяются как „избыточные“ [Стеценко 1972: 9]. При этом стоит подчеркнуть, что именно глагол-связка представляет собой тот компонент перфекта, который содержит в себе значение лица, поскольку глагольная форма на -л передает только информацию о семантике, роде и числе глагола.

Несмотря на изначальную „избыточность“ местоимений со временем они становятся необходимым компонентом предложения в древнерусском языке. Начало этого длительного процесса можно проследить на основании тех примеров, в которых личное местоимение выступает в древнейших текстах. К факторам, благоприятствующим употреблению местоимений, исследователи относят, прежде всего, наличие особого ударения и необходимость четко разграничить действующие лица. В таком случае местоимение указывает не только лицо, но и является знаменательным элементом [Стеценко 1972: 187–188]. В большинстве работ обращается внимание преимущественно на стилистический аспект употребления местоимения-подлежащего. Итак, согласно Алексею Стеценко, нормой для древнерусского языка вплоть до XVII в. является не двусоставное, а определенно-личное предложение, в котором отсутствует прямо выраженное подлежащее и выражение лица содержится в форме глагола. Однако местоимения в функции подлежащего начинают употребляться с XIII в., но рост их применения был очень медленным. Такая ситуация отражена во всех древнерусских памятниках, независимо от их стилистической принадлежности, а также в русских говорах, что свидетельствует об огромной устойчивости древней традиции.

В *Исторической грамматике русского языка* [Борковский, Кузнецов 2010: 322–324] особое внимание уделяется текстам деловой письменности. Содержащиеся в ней сведения об употреблении личных местоимений в 1-м и 2-м лице в памятниках XI–XIII вв. следующие:

- 1) они, как правило, не употребляются в изъявительном наклонении;
- 2) их употребление вызвано необходимостью выделить действующее лицо среди других лиц;

3) в духовных и договорных грамотах особенно часто наблюдается употребление местоимения *я*, что объясняется требованиями стиля;

4) употребление личного местоимения *яз* в конструкции *се яз...* имеет устойчивый характер.

Эти закономерности находят полное отражение в изученных нами текстах, если учесть, что вспомогательный глагол в какой-то степени заменяет в предложении подлежащее, по крайней мере в области указания лица. И именно в таком более широком контексте, то есть на фоне преобразований целой синтаксической системы древнерусского языка, следует рассматривать описываемые в настоящей статье явления.

Стоит также подчеркнуть, что указанное явление свидетельствует о том, что связка в описываемый период совсем утратила свое первоначальное грамматическое значение части сложного прошедшего времени и сохранила в себе лишь личное значение.

Таким образом, можно утверждать, что употребление личного местоимения приводит к утрате глагола-связки в формах перфекта. По описанным выше причинам в предложениях все чаще начинает употребляться подлежащее, эксплицитно выраженное местоимением. В связи с этим, применение вспомогательного глагола является избыточным, так как лицо глагола находит свое отражение в подлежащем. Эту мысль выражает также Андрей Анатольевич Зализняк, определяя личные местоимения и связки как „функциональные синонимы” [Зализняк 2008: 240].

Особое внимание необходимо также уделить тому факту, что „в XV–XVI вв. наблюдается некоторый рост употребления личных местоимений при формах изъявительного и сослагательного наклонений [...] в деловой письменности [...] без логического ударения на местоимении” [Зализняк 2008: 203]. Данный факт, касающийся текстов анализируемого нами периода, находит свое полное отражение в формах перфекта в *Договорных и духовных грамотах...*, доказательством чего являются многочисленные примеры, приведенные в аналитической части настоящей работы. Стоит также отметить, что некоторые из тех примеров одновременного употребления вспомогательного глагола и личного местоимения можно также отнести к случаям употребления „логического ударения”, однако его синтаксическое выражение является уникальным. Согласно сведениям Виктора Ивановича Борковского и Петра Саввича Кузнецова, в целях выделения действующего лица среди других в предложении применяется личное местоимение. Предложение становится двусоставным, тем самым заменяя предложения определенно-личного типа. Однако в формах перфекта в *Договорных и духовных грамотах...* личное местоимение употребляется чаще, даже тогда, когда нет необходимости

выделять исполнителя действия. Поэтому в случаях возникновения такой необходимости применяется другой способ, а именно: кроме личного местоимения употребляется также вспомогательный глагол *быти* в личной форме. Благодаря этому лицо глагола выражается два раза – подлежащим и глаголом-связкой. Таким образом, в грамотах XIV–XVI вв. совместное употребление подлежащего и вспомогательного глагола выполняет функцию, ранее выполняемую только личным местоимением: принятие логического ударения с целью указать на действующее лицо.

Библиография

- Борковский В. И., Кузнецов П. С. 2010. *Историческая грамматика русского языка*, Москва: Издательская группа URSS.
- Гаспаров Б. 2003. *Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах*, „Русский язык в научном освещении”, № 1 (5).
- Зализняк А. А. 2008. *Древнерусские энклитики*, Москва: Изд-во Языки славянских культур.
- Кадькалов Ю. Г., Сердобинцев Н. Я., Судавичене Л. В. 1984. *История русского литературного языка*, Ленинград: Просвещение.
- Колесов В. В. 1989. *Древнерусский литературный язык*, Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Кузнецов П. С. 1953. *Историческая грамматика русского языка. Морфология*, Москва: Издательство Московского университета.
- Маркова Т. Д. 2013. *Древнерусский перфект в аспекте реализации функционально-семантической категории темпоральности*, „Вестник Челябинского государственного педагогического университета”, № 1.
- Маркова Т. Д. 2015. *Русский перфект как лингвокультурный феномен*, электронный ресурс: http://libweb.kpfu.ru/publication/papers/Baudouin/Baudouin_2015_1/Baudouin_2015_1_224_226.pdf (доступ 3.11.2016).
- Соболевский А. И. 1907. *Лекции по истории русского языка*, Москва: Университетская типография.
- Стеценко А. Н. 1972. *Исторический синтаксис русского языка*, Москва: Высшая школа.
- Шульга М. В. (ред.) 1982. *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*, Москва: Академиздатцентр Наука.
- Якубинский Л. П. 1953. *История древнерусского языка*, Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.

Условные сокращения

- ДДГ – Бахрушин С. В. (ред.) 1950. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.*, подготовил к печати Л. В. Черепнин, Москва–Ленинград: Издательство АН СССР.

